

Лара Читай

Поцелуй
ЧУЖИМИ
губами

18+

Лара Читай

Поцелуй чужими губами

<https://litres.ru/74263279>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Ты утонула в бесконечном марафоне по клиникам, в своих истериках и таблетках! Детей не будет. Ты бесплодна! У тебя ни работы, ни денег, ни даже нормального образования. Кому ты будешь нужна?!

Диагноз «бесплодие» прозвучал как приговор. А предательство мужа стало последней каплей. Но это научило меня главному: жить для себя.

Друзья! Рада вас видеть в числе своих читателей! Надеюсь, мой роман вам нравится и дальше будет также интересно. Поэтому, чтобы его не потерять, прошу подписаться и добавить его в свою библиотеку. А уже совсем скоро вас ждет увлекательное продолжение.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	50
Глава 8	58
Глава 9	65
Глава 10	71
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Лара Читай

Поцелуй чужими губами

Глава 1

ГЛАВА 1

БЕСШУМНЫЙ ОКЕАН

Океан в гостиной. Именно так я называю этот аквариум. Два метра в ширину, встроенный в стену. Тёмная вода, фиолетовая подсветка, медленные, как мысли, рыбы. Евгений нанял специального человека, который раз в неделю приезжает чистить его, менять воду, кормить этих бесчувственных, блестящих существ. Стоит целое состояние.

Я сижу на диване напротив, поджав ноги, и смотрю на них. Мне не на что больше смотреть. Дом — идеален. Дизайнерский каталог, воплощённый в жизнь. Белый мрамор, глянцевый чёрный лак, холодный металл. Ни одной лишней вещицы, ни одной пылинки. Клиническая стерильность красивой жизни.

Мои тапочки скрипят по полу, когда я иду на кухню за ча-

ем. Скрипят предательски громко в этой тишине. Даже чайник здесь тихий, индукционный, он не закипает с бульканьем, а просто загорается зелёной лампочкой.

Я достаю свою кружку — простую, белую, керамическую. Не ту тончайшую фарфоровую, что подарена нам на свадьбу и пылится за стеклом. Мою. На дне её — трещина. Её не видно, пока не допьёшь. Моя маленькая тайна.

В холодильнике — еда на неделю вперёд, расфасованная по контейнерам шеф-поваром из кейтеринга Евгения. На контейнерах — аккуратные этикетки: «Салат с киноа», «Лосось на пару», «Смузи детокс». Ничего, что хочется. Ничего, что пахнет домом.

Звонок в дверь. Не обычный звонок, а протяжная, мелодичная трель. Я вздрагиваю, даже жду его каждый раз. Курьер. Цветы. Опять.

Открываю. Молодой парень в униформе протягивает мне огромный, тяжёлый букет. Розы. Бордовые, как старая кровь, шипы не обломаны. Без открытки. Никогда нет открытки.

— Виктории Соколовой, — говорит курьер, уже зная меня в лицо.

— Спасибо.

Несу этот шипящий, пышный гроб в кухню. Ставлю в вазу. Они простоят неделю, медленно осыпаясь на столешницу, наполняя воздух тяжёлым, удушающим ароматом. Это не извинения. Это — отметка. Как собака метит территорию. Он был здесь. Он обеспечивает. Он дарит жене цветы. Всё в порядке.

На лестнице скрипит ступенька. Третья сверху. Евгений грозился вызвать мастера, чтобы исправить. Я отговорила. Мне нравится этот скрип. Это — живой звук в этом мёртвом доме. Предупреждение.

Я возвращаюсь к своему океану. Рыба-клоун, яркая, нелепая, тычется носом в стекло. Она тоже в ловушке. Красивой, дорогой, но ловушке.

Слышу, как на улице щёлкает замок калитки. Это он. Не по часам. Раньше. Сердце не екает от радости, а сжимается, как холодный комок. Инстинкт.

Ключ поворачивается в замке. Дверь открывается без скрипа — петли смазаны. Он входит, и пространство дома мгновенно меняется, наполняется его энергией. Он не просто человек, он — событие. Запах морозного воздуха, дорогого кожаного салона автомобиля и чего-то ещё. Чужого пар-

фюма. Сладковатого, цветочного.

— Вика! — его голос гулко разносится по холлу.

— На кухне, — откликаюсь я, и мой голос звучит слабо, будто я в соседнем измерении.

Слышу, как он скидывает пальто, оно тяжёлой массой падает на консоль. Шаги — уверенные, тяжёлые — приближаются. Он появляется в дверном проёме. Высокий, подтянутый, в идеально сидящем тёмно-синем костюме. Красавец. Мачо. Мой муж. В его глазах — оживление, блеск после какого-то удачного дня или, что более вероятно, удачной встречи.

— Что ты тут делаешь? — спрашивает он, целуя меня в щёку. Поцелуй мимолётный, сухой, обязательный.

— Ничего. Чай пью.

— Всё как обычно, — в его тоне лёгкая, привычная насмешка. Он проходит к холодильнику, достаёт бутылку минералки. — Цветы получила?

— Да, спасибо. Красивые.

— Не за что. — Он отпивает, глядя на меня поверх бутылки. Его взгляд скользит по моему лицу, по моему поношенному домашнему халату. Останавливается. — Ты что, не выходила сегодня?

— Нет.

— Зря. Свежий воздух. Надо бы прийти в форму, — он говорит это легко, как о погоде. — Кстати, завтра вечером дома будут гости. Человек десять. Организуй ужин. Что-нибудь лёгкое, изысканное. Не ту пасту, что в прошлый раз.

Он не просит. Он констатирует. Организуй. Как компьютерная программа.

— Хорошо, — говорю я.

— И надень то синее платье. Тебе идёт.

Синее платье. Оно действительно идёт. Оно стоит как крыло самолёта. Оно куплено им же, в тот день, когда он решил, что мой гардероб «требуется обновления». Я ненавижу его холодный шёлк на коже.

— Женя, — голос мой предательски дрогнул. Я не хотела сейчас, но слова вырываются сами. — Я была сегодня у врача. Результаты... последнего протокола. Окончательные.

Он медленно ставит бутылку на столешницу. Поворачивается ко мне. Его лицо не становится мягче.

— Ну?

— Не получилось. Окончательно. Шансов больше... нет.

Тишина. Только едва слышное гудение холодильника. Он вздыхает. Не вздох сочувствия, а вздох человека, который устал от надоевшей проблемы.

— Вика, мы же обсуждали. Сколько можно по кругу хо-

дить? Ты себя изводишь, деньги на ветер. Нужно смириться.

— Смириться? — я слышу, как во мне что-то хрустнуло.
— Это наш ребёнок. Мечта. Ты же тоже хотел...

— Я хотел нормальную семью! — его голос резко повышается, он делает шаг вперёд. — А не этот бесконечный марафон по клиникам, твои истерики и горы таблеток! Посмотри на себя! Ты вся в этом утонула! Детей не будет. Поняла? Нет. Закрой эту тему. Надоело. А если нет, то я могу завести ребенка и на стороне.

Он говорит это не со злостью, а с холодным, окончательным раздражением. Как отрезает. Каждое его слово — как удар тупым ножом. Глухо, больно, без крови, но с повреждением всего, что внутри.

Я не могу говорить. Ком в горле. Слёзы предательски подступают, но я не могу плакать при нём. Не дам ему этого удовольствия — видеть, как он снова меня ранил.

Он видит моё лицо, и его выражение меняется. Раздражение сменяется чем-то вроде усталой снисходительности. Он подходит, кладёт тяжёлую руку мне на плечо.

— Ну хватит. Соберись. Всё у нас хорошо. Дом, деньги, статус. Живи, наконец, и радуйся. Не выдумывай проблемы.

Он pats me по плечу, как собаку, которая загрустила, и

уходит, его шаги отдаляются по лестнице. Скрипит та самая ступенька. Скрипит один раз.

Я остаюсь одна на кухне. Смотрю на букет роз. На идеальный, холодный интерьер. Слушаю тишину. В моём океане за стеклом медленно проплывает рыба. Она открывает и закрывает рот. Беззвучно. Как я.

Я подхожу к своему белому кухонному острову, кладу на него ладони. Лак такой холодный. Как всё здесь.

Это и есть моя жизнь. Изнанка красивой обложки. Где слёзы должны быть тихими, где боль — неприличной, а несбывшиеся мечты — мусором, который нужно быстро вынести, чтобы не портил картину.

Я сжимаю пальцы, пока суставы не побелеют. В горле стоит ком. Но я не плачу. Я просто стою. И смотрю в свой бесшумный, дорогой, безнадёжный океан.

Глава 2

ГЛАВА 2

УВЯДАЮЩИЙ БУКЕТ

Я стою на кухне, слушая гул голосов из гостиной. Он похож на отдалённый рой разъярённых шершней. Каждый смех, каждый возглас – острый укол под кожу. Мои пальцы автоматически раскладывают на блюдо миниатюрные канапе с трюфельным кремом. Ровно тридцать штук. Шеф прислал уже готовые, мне осталось только «элегантно сервировать». Я ставлю их в идеальный круг, как солдат на парад.

На мне синее платье. Шёлк шипит при каждом движении, холодный и чужой. Оно слишком обтягивает бёдра, слишком открывает плечи. Я чувствую себя не одетой, а закованной в доспехи для чужой войны.

— Вика, где же шампанское? Алё, нас тут человек десять жаждет! – голос Евгения прорезает кухонную дверь. Он уже подвыпивший, этот особый, праздничный хрип в голосе, когда он чувствует себя королём вечера.

— Сейчас, – отзываюсь я, и голос звучит как эхо. Откры-

ваю огромный холодильник, достаю две тяжёлые бутылки дорогого «Кристалла». Лёд уже давно растаял в серебряных вёдрах, но это никого не волнует. Главное – лей.

В гостиной пахнет дорогими духами, сигарным дымом и самоуверенностью. Все здесь – его люди. Коллеги, партнёры, пара светских львиц с пустыми глазами. Я знаю их всех, но ни с кем не разговаривала по душам. Мы – декорация.

Евгений стоит у камина, жестикулируя. В руке у него бокал. Он рассказывает что-то о новой сделке, о своём скором вхождении в совет директоров. Его голос громкий, весёлый, полный победных ноток.

— И вот я им говорю, ребята, либо вы играете по моим правилам, либо ищите себе нового мальчика на побегушках! – все вокруг одобрительно хохочут. Его взгляд ловит меня в дверях. – О! А вот и моя прекрасная жена с шампанским! Подходи, подходи, дорогая, всех пополняй!

Я иду по ковру, чувствуя, как на мне горят десятки глаз. Наливаю. Улыбаюсь. Простое движение – наклонить бутылку, – а ладони влажные. Одна из львиц, Карина, смотрит на меня с лёгкой, ядовитой жалостью.

— Вика, ты выглядишь уставшей, всё в порядке? – её го-

лос сладок, как сироп.

— Всё прекрасно, просто хлопот много, – автоматически отвечаю я.

— Ах, да, понимаю, – она делает глоток, её взгляд скользит по моей фигуре в этом дурацком платье. – Ты же столько сил отдаёшь дому. Это так... мило.

Я отступаю к стене, стараясь стать частью обоев. Но Евгений не отпускает.

— Вика не устаёт, она – мой надёжный тыл! – провозглашает он, и его рука тяжело ложится мне на плечо. Он притягивает меня к себе, к центру внимания. Запах его одеколона смешался с коньяком. – Без неё, конечно, я бы не справился. Она у меня... – он делает театральную паузу, оглядывая гостей, – как тот самый антиквариат, который создаёт уют. Старый, добрый, проверенный временем.

Несколько сдержанных смешков. У меня замирает сердце. Я пытаюсь отстраниться, но его рука, кажется, впивается в моё плечо сильнее.

— Женя, – шепчу я, но он не слышит.

Он уже в ударе, он пьян от собственной значимости и всеобщего обожания.

— Нет, серьёзно, — продолжает он, и его голос становится громче, назидательнее. — Мы все должны ценить то, что имеем. Вот Вика... Она — как тот самый увядающий букет в дорогой вазе. Лепестки уже осыпаются, запах почти ушёл... но выбросить жалко. Столько лет вместе. Привычка, что ли. И вроде ещё держится, напоминает о былой красоте.

В комнате наступает мёртвая тишина. На секунду. Потом кто-то нервно кашляет. Карина прикрывает рот рукой, но в её глазах — не шок, а живой, пожирающий интерес. Другие отводят взгляд, кто-то делает огромный глоток из бокала.

Во мне всё падает. Не резко, а медленно, как в кошмарном сне. Проваливается куда-то в ледяную, чёрную воду. Я не чувствую боли. Пока. Только этот леденеющий вакуум, который затягивает всё внутрь.

Я смотрю на Евгения. Он улыбается своей победной, белоснежной улыбкой. Он даже не понимает, что сказал. Для него это не жестокость. Это — «правда жизни», остроумная шутка, показатель его свободы и превосходства. Он — король, и он может говорить о своём имуществе как хочет.

— Женя, что ты... — тихо говорит кто-то из его коллег, но голос теряется.

Я вырываюсь из-под его руки. Не рывком, а как-то обречённо, словно моё тело сделало это само. Шёлк платья шипит, будто змея.

— Простите, – слышу я свой собственный голос, плоский и безжизненный, как из радиоприёмника. – Мне нужно... проверить закуски.

Я разворачиваюсь и иду. Не бегу. Иду ровно, держа спину прямо, как меня учила мать: «Что бы ни случилось, Виктория, осанка». Каждый шаг по мраморному полу холла отдаётся в висках. Гул из гостиной нарастает снова, но уже приглушённо, с оттенком смущения.

Дверь кухни закрывается за мной с тихим щелчком. И здесь – тишина. Только моё дыхание, сдавленное, неровное. Я прислоняюсь спиной к холодной двери и медленно сползаю на пол. Колени подкашиваются.

Я сижу на кафеле, обхватив колени руками. Смотрю на свои ноги в лодочках на высоких каблуках. «Увядающий букет». Слова крутятся в голове, как острые осколки, разрезая всё на части. «Выбросить жалко».

И самое страшное – не его слова. А то, что в них есть прав-

да. Та правда, с которой я просыпаюсь каждый день, глядя в зеркало на своё лицо, измождённое процедурами ЭКО, бессонницей, непролитыми слезами. На своё тело, которое отказалось выполнить свою главную функцию. Я и есть тот букет. Поставленный в вазу, за которым ухаживают, чтобы он подольше не позорил хозяина своим видом.

Из гостиной доносится взрыв смеха. Он снова что-то рассказывает. Он уже забыл. Для него эпизод окончен. Остроумная шутка удалась.

Я поднимаюсь с пола. Руки трясутся. Я подхожу к раковине, включаю воду, ледяную, и плещу себе в лицо. Вода смешивается со слезами, которые, наконец, прорвались. Тихими, беззвучными, горькими.

Потом я вытираю лицо бумажным полотенцем. Смотрю на своё отражение в тёмном окне над раковиной. Распухшие глаза, размазанная тушь. «Увядающий букет».

Но где-то там, в самой глубине, под этим слоем стыда и унижения, вспыхивает крошечная, тлеющая искра. Не ярости. Не даже обиды. А чего-то другого. Окончательного понимания.

Я смотрю на свои руки. На простые, ничем не примеча-

тельные руки. И вдруг ясно осознаю: он сказал это не для того, чтобы ранить. Он сказал это, потому что это – то, во что он верит. И пока я здесь, в этой вазе, из этой веры и состоит моя жизнь.

Я выдыхаю. Выпрямляю плечи. Стираю остатки туши. Моё отражение не становится красивее, но в нём появляется что-то новое. Какая-то пустота, в которой нет больше прежнего страха.

Я не возвращаюсь в гостиную. Я снимаю эти дурацкие лодочки, бросаю их в угол. Иду босиком по холодному полу, открываю дверь на террасу. Ночной воздух обжигающе свеж. Я выхожу и стою там, смотря в темноту на идеальный, мёртвый газон.

«Увядающий букет», – шепчу я в ночь.

И тишина не отвечает. Она просто ждёт.

Глава 3

ГЛАВА 3

ТРЕЩИНА

Из-за двери доносится снова нарастающий гул. Они опять смеются. Кто-то включил музыку – приглушённый, модный джаз.

Я не могу здесь оставаться. Но и убежать наверх, в спальню – значит, признать поражение, дать им пищу для новых пересудов за моей спиной: «Вика не выдержала, рыдает там, бедняжка». Нет. Я не дам им этого.

Я наливаю в графин воду, добавляю лёд и ломтики лимона – автоматически, руки помнят каждое движение. Беру поднос. Моё лицо в тёмном стекле духовки – бледное пятно. Я вдохнула поглубже, поправила прядь волос (руки больше не дрожат, странно) и открываю дверь.

В гостиной всё идёт своим чередом. Евгений теперь стоит у столика с сигарами, что-то оживлённо объясняет жестом. Его друг Артём, партнёр по стартапу, кивает, но его взгляд бежит по комнате, он выглядит немного неловко. Карина и

её спутница Ольга сидят на диване, их головы склонены друг к другу в доверительном, хищном шепоте.

Я начинаю обходить гостей, предлагая воду. Моя улыбка застыла, как маска. Просто мышцы, ничего более.

— Ой, Вика, спасибо, — говорит Ольга, беря бокал. Её взгляд быстро скользит по моему лицу, выискивая следы слёз. — Ты уверена, что тебе не нужна помощь? Ты выглядишь... вымотанной.

— Всё в порядке, — мой голос звучит ровно, до неприличия спокойно. — Просто жарко немного.

Я прохожу дальше, к группе мужчин. Сергей, коллега Жени, берет графин из моих рук.

— Давай я, Вик, отдохни, — говорит он, и в его голосе слышится неловкость, почти жалость. Он наливает себе и другим. Они замолкают на секунду. Один из них, незнакомый мне молодой парень в очках, смотрит на меня с открытым недоумением и сочувствием. Он, видимо, новенький в этой стае.

И тут Евгений замечает меня. Его взгляд оживляется. Он, кажется, только что вспомнил, что у него есть жена и что

он придумал для неё блестящую роль в продолжении своего спектакля.

— А вот и наша хозяйка вернулась! – провозглашает он, широко улыбаясь. — Не думайте, что она обиделась! Вика у меня – золото, она всё понимает с полуслова. Правда, дорогая?

Он протягивает руку, и я, застигнутая врасплох, делаю шаг вперёд. Он обнимает меня за талию, прижимает к себе. Его тело горячее, уверенное.

— Я же просто по-дружески, с юмором, – продолжает он, обращаясь ко всем. — Мы же со стажем. Можно уже и пошутить. Вот, например, недавно вспоминали... Вика, помнишь, на том курорте в Альпах? Когда ты так загорела, что тебя с спасателями на склоне перепутали?

Он хохочет. Это старая, не очень смешная история о том, как я неудачно пролежала первый день на солнце. Раньше я смеялась вместе с ним. Сейчас я просто стою.

— Или вот, – он не отпускает меня, его рука тяжёлая, как удавка. — Помнишь свой кулинарный эксперимент с уткой? Мы потом три дня окна открывали! Ха-ха!

Несколько человек вежливо ухмыляются. Артём отводит взгляд, изучая этикетку на бутылке вина. Сергей кашляет.

— Женья, — тихо говорю я, пытаюсь высвободиться. Но он не слышит. Он на взлёте.

— А самое смешное, — его голос становится громче, интимнее, будто он делится самой пикантной шуткой. — Это когда она пытается меня ревновать! Представляете? С её-то... смиренным видом. Как монашка. Говорю ей: «Вика, расслабься, на кого я тебе могу изменить? На ту же Карину?» — он кивает в сторону дивана, и Карина кокетливо отмахивается. — «Да она со мной только из-за моего портфеля! А ты ведь меня по-настоящему любишь, да? Как собачка преданная. И выкинуть-то жалко».

Второй раз. За вечер. Он снова возвращается к этой метафоре. Но теперь уже не про букет. Про собачку.

В комнате повисает не просто неловкая, а гробовая тишина. Даже джазовая композиция заканчивается, и в паузе между треками его слова звучат оглушительно чётко. Музыка больше не включается.

Я замираю. Не потому что не могу пошевелиться, а потому что вижу лица. И это, наверное, самое страшное за весь

вечер.

Карина и Ольга замерли с бокалами в руках. На их лицах – не сочувствие, а откровенное, жадное любопытство. Как будто они смотрят на дорожно-транспортное происшествие и не могут отвести глаз. У Ольги даже приоткрыт рот.

Молодой парень в очках покраснел, как рак. Он смотрит в пол, будто хочет провалиться. Артём резко ставит свой бокал на столик. Звон стекла кажется невероятно громким.

— Женья, – говорит он, и его голос жёсткий, без привычной панибратской нотки. – Хватит.

— Чего «хватит»? – Евгений искренне не понимает. Он смотрит на Артёма, потом на других. Его улыбка тускнеет, но не исчезает полностью. – Что, слишком прямо? Ребят, мы же все свои! Я же любя!

«Любя». Это слово ударяет меня в солнечное сплетение сильнее любого оскорбления.

Сергей подходит ближе, его лицо напряжено.

— Евгений, ты перегибаешь. Извинись перед Викой.

— Перед Викой? – Женья наконец-то выпускает меня из объятий, смотрит на меня, как бы впервые за вечер видя

моё лицо. Во взгляде – не раскаяние, а раздражение. Как на назойливую муху, которая испортила настроение. — Ой, да ладно вам, раздули из мухи слона. Вика, ты же не обиделась? Ты же знаешь, как я...

Я не даю ему договорить. Я смотрю не на него. Я обвожу взглядом комнату. Вижу эту смесь эмоций на лицах: смущение, брезгливость, постыдный азарт, искреннюю неловкость. И понимаю, что это – мой приговор. Приговор не ему, а мне. Потому что они все – свидетели. Свидетели моего унижения. И их реакция, их молчаливое согласие все эти годы, их вежливые улыбки моему палачу – всё это часть той же вазы, в которую я была поставлена.

Во мне ничего не осталось. Ни злости, ни боли. Одно огромное, всепоглощающее «Хватит».

Я не говорю ни слова. Я просто разворачиваюсь и иду. На этот раз не на кухню. Я иду через гостиную, мимо остолбеневших гостей, к лестнице. Каждый шаг отдаётся в тишине гулко. Я чувствую на себе их взгляды – тяжёлые, колючие.

— Вика! Куда ты? – кричит мне вслед Евгений. В его голосе уже не бравада, а злость. Злость, что спектакль сорвался.

Я не оборачиваюсь. Поднимаюсь по лестнице. Моя спина прямая. Третья ступенька громко скрипит, будто протестуя вместе со мной.

Войдя в спальню, я не захлопываю дверь. Я закрываю её тихо, с мягким щелчком. И прислоняюсь к ней спиной.

Снизу доносятся приглушённые голоса. Сергей что-то говорит, голос строгий, неодобрительный. Артём вторят ему. Карина что-то щебечет оправдательно: «Ой, он же выпил... Все мужчины такие...». Евгений что-то рывкает в ответ, но уже без прежней уверенности. В его тоне слышна досада – не на содеянное, а на то, что его не поняли, испортили ему праздник.

Я слушаю этот шум, этот треск разваливающегося на моих глазах фасада. И понимаю, что та маленькая, тлеющая искра внутри разгорелась. Не в пламя мести. Нет. В холодное, ясное понимание.

Он не изменится. Они не изменятся. Эта жизнь не изменится. И единственный, кто может что-то сделать в этой вазе с увядающими цветами – это сам цветок. Даже если ему кажется, что корней больше нет. Даже если земля давно окаменела.

Я подхожу к окну, отодвигаю тяжёлую портьеру. Внизу, под окном, в свете уличного фонаря, лежит тот самый идеальный, мёртвый газон. Ровный, зелёный, безупречный.

Я смотрю на него и вдруг чётко, до мурашек, представляю, как посреди этой безупречности появляется чёрное, израненное пятно. Пятно живой, взрыхлённой земли. И в нём – хрупкий, упрямый росток.

Это видение длится секунду. Но его достаточно.

Внизу хлопает входная дверь. Гости, наконец, разъезжаются. Быстро, поспешно, без обычных долгих прощаний. Машины заводятся, фары выхватывают из темноты кусты, въездные ворота.

Сейчас он поднимется. Будет оправдываться или, что более вероятно, обвинять меня в том, что я испортила ему вечер своей обидчивостью.

Я медленно снимаю синее платье. Шёлк падает на пол бесшумной, блестящей лужей. Я надеваю старый, растянутый хлопковый халат. Он пахнет стиральным порошком и чем-то неуловимо своим. Запахом не Евгения. Моим.

Я сажусь на край кровати и жду. Не его. Я жду утра. Впер-

вые за много лет я жду утра не с тоской, а с каким-то пустым, чистым любопытством. Что будет дальше.

Первая стена – его, их, всего этого мира – дала трещину. Не я её пробила. Он сам, своим «любя», ударил по ней кувалдой. И теперь через эту трещину задул ветер. Холодный, свежий, незнакомый.

Глава 4

ГЛАВА 4

КОМАНДА

В доме — гробовая тишина. Та, что наступает после взрыва. Только тикают часы в холле, отсчитывая секунды моей новой, пост-унизительной жизни.

Скрип ступеньки на лестнице. Тяжелые, недовольные шаги. Он идет. Я не шевелюсь. Пусть думает что угодно.

Шаги проходят мимо кухни, поднимаются выше. Дверь в кабинет на втором этаже хлопает. Он не пошел меня искать. Он пошел смотреть футбольные highlights или звонить кому-нибудь, чтобы пожаловаться на свою обидчивую, не понимающую шуток жену.

И вот тогда, в этой полной, окончательной тишине и одиночестве, меня накрывает. Не рыдания, а тихие, беззвучные спазмы. Слез нет. Они где-то глубоко внутри, застыли комом в горле. Тело просто трясет, как в лихорадке. Я сжимаю себя руками, пытаюсь сдержать эту дрожь, но не могу. Зубы стучат.

И тут слышу шорох. Еле уловимый, царапающий звук по полу. Я поднимаю голову.

Из-под стола, медленно, с явным усилием, выползает Дэ-

зи. Моя старая такса. Ей шестнадцать, это древность для собаки. Ее рыжая шерсть поседела на морде, глаза затянуты голубоватой пеленой катаракты. Она почти глухая, ее задние лапы плохо слушаются. Но сейчас она, преодолевая скрип суставов, подошла ко мне. Ее холодный, влажный нос тыкается мне в колено. Потом она укладывается рядом, тяжело вздыхая, и кладет свою седую морду мне на ногу.

Один ее теплый бок прижимается к моей холодной ноге. Она не смотрит на меня. Она просто лежит. Дышит. Ее дыхание свистит немного, по-стариковски.

И вот тогда слезы приходят. Не истерика, не вопль. Они просто начинают течь. Тихо, безостановочно, как дождь по стеклу. Капают на старую, потертую шерсть на ее голове. Я не пытаюсь их остановить. Я просто глажу ее теплый, знакомый череп между ушами. Кожа под шерстью тонкая, как пергамент, прощупывается каждый бугорок черепа.

— Дэзи, — шепчу я, и голос срывается в хрип. — Дэзи, милая...

Она вздыхает глубже, как будто говорит: «Я знаю. Я здесь».

Мы сидим так, может, минуту, может, час. Я плачу в полную силу теперь, но тихо, почти беззвучно, как будто боюсь разбудить кого-то. Дэзи терпит мои слезы на своей шкурке. Она лишь изредка облизывает мою руку шершавым, сухим языком.

Я вспоминаю, как она появилась. Щенком, маленьким,

неуклюжим комочком. Женя тогда сказал: «Ну что ж, раз детей пока нет...». Это была уступка. Замена. И она стала моим ребенком. Настоящим. Она спала у меня на ногах, когда я болела. Она радостно виляла хвостом, когда я возвращалась из магазина, даже если меня не было пять минут. Она смотрела на меня преданными карими глазами, в которых не было ни капли оценки, осуждения или разочарования. Только любовь. Безусловная, простая, как дыхание.

И пока я гладила ее, в голове пронеслись все эти годы. Вечеринки, где я сидела вот так же, на кухне, с ней после очередной «шутки» Жени. Ночные бдения у окна в ожидании его с «корпоративов». Долгие часы в пустом доме, когда единственным голосом был мой, обращенный к собаке: «Дэзи, идем гулять», «Дэзи, хочешь есть?», «Дэзи, что же нам делать?».

Она была свидетельницей всего. Молчаливой, преданной, всепонимающей. Она видела, как я плакала над отрицательными тестами, как замирала от страха, услышав его шаги, как пыталась «быть лучше», «стать интереснее», угаснуть, раствориться.

— Прости меня, — шепчу я ей, целуя ее в седую шерсть на лбу. — Прости, что я не смогла дать тебе другую жизнь. Веселую. Шумную. С детьми, которые бы таскали тебя за уши. С домом, полным смеха.

Она просто жмурится от поцелуя и тычется носом мне в

ладонь.

А потом мысли возвращаются к сегодняшнему вечеру. К лицам гостей. К их молчанию. К их любопытным, жадным взглядам. И к его лицу — самодовольному, сияющему от удачной «шутки».

Во мне поднимается волна такого острого, животного стыда, что я чуть не вскрикиваю. Стыда не за него. За себя. За то, что позволила. За то, что сидела и слушала. За то, что не швырнула ему в лицо графин. За то, что просто ушла, как послушная «собачка».

Я сжимаю пальцы в кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Боль резкая, отрезвляющая. Дёзи беспокойно шевелится, чувствуя напряжение в моем теле.

— Всё, — говорю я вслух, и голос звучит хрипло, но твердо. — Всё, Дёз. Хватит.

Слово «хватит» сегодня уже звучало. Из уст Артема. Но теперь оно звучит из моих уст. И оно значит не «прекрати», а «это конец».

Конец чему? Я еще не знаю. Конец терпению? Да. Конец надеждам, что он изменится? О, да, с этим покончено навсегда. Конец этой жизни?..

Я смотрю вокруг на сияющую кухню. На встроенную технику, на идеальный фартук, на пустую, холодную вазу, где сегодня не было цветов. На эту тюрьму из мрамора и стекла.

Нет. Я не могу просто взять и уйти. У меня нет денег. Нет работы. Нет никого, кто бы принял меня с распростертыми

объятиями. Мои родители далеко, они старые, они видели только красивую картинку и так гордились «успешным зятем». Сказать им правду? Разрушить их иллюзии? Я не смогу.

И тогда я понимаю, что мое «хватит» — это не бегство. Это внутренняя декларация о независимости. Пока что только внутренняя.

Я поднимаюсь с пола, осторожно, чтобы не потревожить Дэзи. Ноги одеревенели. Подхожу к раковине, умываюсь ледяной водой. Смотрю в зеркало. Распухшие, красные глаза. Следы туши, похожие на синяки. Лицо жертвы.

«Нет, — думаю я. — Больше нет».

Я вытираю лицо. Возвращаюсь к Дэзи, сажусь рядом с ней на пол.

— Слушай, девочка, — говорю я ей, глядя по спине. — Нам нужно держаться вместе. Ты и я. Мы — команда. И что бы ни случилось, я о тебе позабочусь. Обещаю.

Она поднимает на меня свои мутные глаза и медленно виляет кончиком хвоста. Она верит. Ей больше никого не нужно.

Внезапно я слышу шаги на лестнице. Он спускается. Дэзи настороженно поднимает голову, низко рычит в сторону двери. Ее старый, хриплый рык — единственный звук защиты в этом доме.

Я встаю. Быстро протираю глаза последний раз. Беру чашку, делаю вид, что наливаю воду. Дверь открывается.

Евгений стоит на пороге. Он уже переоделся в домашнее — дорогие льняные брюки и футболку. В руке у него планшет. Он смотрит на меня, на собаку у моих ног. Его выражение — не раскаяние, а усталое раздражение.

— Ну что, прооралась? — спрашивает он, без предисловий.

Я не отвечаю. Пью воду, смотрю в окно на темный сад.

— Слушай, я не понимаю, в чем проблема, — он входит, ставит планшет на остров. — Ну пошутил я. Немного неудачно. Ну ты же взрослая женщина. Зачем делать из этого трагедию при гостях? Теперь Сергей мне устроил выволочку, как мальчишке.

Он ждет ответа. Оправданий. Слез. Молчаливого согласия, что он прав, а я — истеричка.

Я поворачиваюсь к нему. Смотрю прямо в глаза. И говорю спокойно, почти равнодушно:

— Я не делала трагедию. Я просто ушла. А то, что твои друзья наконец-то увидели тебя настоящего — это твои проблемы, а не мои.

Он замирает. Его лицо искажается от удивления, а затем от злости.

— Что? Ты это что, мне сейчас указываешь?

— Нет, — говорю я и ставлю чашку в раковину. Звук получается звонким, твердым. — Я просто констатирую факт. Устала я быть твоей «удачной шуткой», Женя. Устала.

Я жду взрыва. Оскорблений. Но он просто смотрит на ме-

ня, и в его глазах появляется что-то новое. Не злость, а... недоумение. Как будто его любимая игрушка внезапно заговорила не теми словами.

— Ладно, — отмахивается он, наливая себе виски. — Завтра все забудется. Не выдумывай. И убери собаку с кухни, она тут шерсть везде оставляет.

Он уходит, оставляя меня одну. Снова.

Я смотрю на Дэзи. Она смотрит на меня. И в ее мутных глазах я вижу не жалость, а... уважение? Мне кажется? Нет, наверное, это просто игра света.

Я наклоняюсь, беру ее на руки. Она легкая, как перышко.

— Ничего, девочка, — шепчу я, неся ее на ее лежанку в углу гостиной. — Ничего. У нас все будет по-другому. Я придумаю как.

Укладываю ее, поправляю плед. Она вздыхает и почти мгновенно засыпает, устав от вечерних волнений.

Я стою и смотрю на нее. На ее старенькое, верное тело. И понимаю, что это «по-другому» должно начаться прямо сейчас. Пока это только слово. Но завтра... Завтра я сделаю хотя бы один маленький шаг. В направлении от этой кухни, от этих слез, от этой жизни.

А пока я подхожу к окну и смотрю в темноту. Туда, где должен быть сад. Где-то там, в этой темноте, уже существует то будущее, в котором я не плачу на кухне. Мне просто нужно до него добраться. Сделать первый шаг.

И этим шагом, думаю я, глядя на отражение своего измученного лица в черном стекле, будет что-то очень простое. И абсолютно мое.

Глава 5

ГЛАВА 5. Первая встреча

Тихо. Слишком тихо. После вчерашнего гула голосов эта тишина кажется физическим давлением на барабанные перепонки. Я сижу у окна в гостиной, пустой кружкой в руках, и смотрю на свой газон. На идеальный, немой газон.

Дэзи спит у моих ног, её старый бок равномерно поднимается и опускается. Я глажу её за ухом, и мысль о том, что нужно что-то делать, бродит где-то на периферии сознания, но не может пробиться сквозь плотный туман апатии. Вместо этого меня выносит на другую волну. На волну воспоминаний. Туда, где всё началось. Где не было ни этого дома, ни этой тишины, ни этого ледяного кома в груди.

Консерватория. Осень. Воздух внутри пахнет старым деревом, пылью и чем-то неуловимо творческим — смесью канифоли, пота и волнения. Я бегу по длинному, слегка скрипучему коридору, опаздывая на лекцию по истории музыки. В руках — тяжёлая папка с нотами, они так и норовят выскользнуть. Я заворачиваю за угол и — врезаюсь.

Не в стену. Во что-то твёрдое, тёплое, пахнущее кожей и свежим ветром. Мои ноты взлетают в воздух и рассыпаются по полу белым, испещрённым птичьими следами, веером.

— Ой, простите! — мы говорим это хором, одновременно наклоняясь, чтобы собрать листы. Наши головы чуть не сталкиваются.

Я поднимаю глаза и вижу его. Не такого, как сейчас. Другого. Ему двадцать пять. Он в простых джинсах и чёрной водолазке, но на нём это сидит как на атлете. Волосы темные, чуть выющиеся, падают на лоб. И улыбка. Боже, эта улыбка. Она не просто широкая. Она заразительная, беззаботная, с чуть хищным прищуром светло-карих глаз, будто он только что выиграл пари или увидел что-то невероятно забавное. В ней столько жизни, столько уверенной, солнечной энергии, что мне на мгновение перехватывает дыхание.

— Кажется, я устроил дирижёрский беспорядок в вашем оркестре, — говорит он, и голос у него низкий, с лёгкой, приятной хрипотцой. Он ловко подхватывает разлетевшиеся листы, аккуратно складывает их. Его руки — большие, с длинными пальцами, но выглядят сильными, не музыкантскими.

— Это я виновата, бежала, как угорелая, — бормочу я, чувствуя, как жарко становится щекам. Я застенчива, всегда была. Особенно с такими парнями. Такими... яркими. Они казались мне существами с другой планеты.

— А что так спешишь? Пожар? — он протягивает мне папку, и наши пальцы касаются на секунду. У него тёплые, сухие руки.

— Лекция. Опоздаю.

— По истории? У Бориса Сергеевича? — он усмехает-

ся. — Не переживай, он первые пятнадцать минут всё равно бубнит про себя в бороду. Успеешь. Я, кстати, Женя. С физфака. Заблудился, ищу аудиторию 312. Хожу, как дурак, уже полчаса.

Он говорит легко, без тени стеснения. И в его присутствии моя собственная застенчивость куда-то отступает. Мне хочется улыбнуться в ответ.

— Я Вика. И аудитория 312 — это следующий поворот налево. Я как раз мимо.

— Значит, провожатый нашелся! — он делает театральный жест рукой. — Веди, о просвещённая муза!

Мы идём вместе. Он на голову выше, и мне приходится слегка запрокидывать голову, чтобы смотреть на него. Он задаёт вопросы. Что играю? (Фортепиано). Любимый композитор? (Шопен, но я стесняюсь в этом признаться, говорю «ну, разные»). Сложно ли тут учиться? Он рассказывает, что пришёл к другу, чтобы забрать конспекты, а тот его кинул. Говорит о своих занятиях — что-то про ядерную физику, но так просто и увлечённо, что даже я, полный гуманитарий, слушаю, раскрыв рот. Он кажется таким... цельным. Таким знающим, куда идёт. У меня в голове в то время — только экзамены, репетиции, смутная мечта о сцене и тихое, почти неосознанное желание быть любимой.

Мы доходим до двери 312. Из-за неё доносятся скучные интонации Бориса Сергеевича.

— Ну, вот и приехали, — шепчет он, и его глаза смеют-

ся. — Спасибо за спасение от вечного блуждания. Может, отблагодарить как-нибудь? Кофе, например? После твоей... лекции?

Я замираю. Меня приглашают. На свидание. Парень с физфака, красавец, уверенный в себе. Меня, Вику, серую мышку с роялем.

— Я... — начинаю я.

— Отлично! — перебивает он, как будто мое молчание — уже согласие. — Встречаемся здесь через... два часа. Не убежишь?

Он не ждёт ответа. Кивает, ещё раз улыбается этой своей ослепительной, покоряющей улыбкой и уходит, легко перешагивая через две ступеньки сразу. Я стою, прижав папку к груди, и смотрю ему вслед. Сердце стучит как сумасшедшее. В голове — каша из восторга и неверия.

Мы пили кофе в крошечной, дымной забегаловке через дорогу от консерватории. Не в том стильном месте, куда он позже будет водить меня «для вида». Там пахло жареным луком, дешёвым кофе и сигаретами. Но я не замечала запахов. Я смотрела на него и слушала. Он говорил о своих планах покорить мир. Не буквально, конечно. Но он уже тогда видел себя не учёным в лаборатории, а человеком дела. «Физика — это фундамент, — говорил он, — а на фундаменте можно построить что угодно. Бизнес, технологии, будущее». Он был полон амбиций, и они не казались пустым бахвальством.

В них была сила. Убеждённость.

Он спросил, о чём мечтаю я. Я смутилась. Сказала что-то невнятное про «играть, наверное». Он посмотрел на меня с таким интересом, с таким вниманием, как будто мои скромные мечты были важнее его грандиозных планов.

— Это красиво, — сказал он. — Сохранять красоту. Я бы не смог. Мне нужно создавать. Завоёвывать.

Он проводил меня до общежития. У входа взял за руку. Не за пальцы, а за всю ладонь, уверенно, крепко.

— Мне нравится, Вика. Ты... другая. Не такая, как все эти курицы вокруг. Ты тихая. Настоящая.

Он поцеловал меня. Первый поцелуй. Недолгий, но уверенный. От него пахло кофе и той самой, невероятной уверенностью в своём праве на всё лучшее. И мне казалось, что это лучшее теперь — я.

Я моргаю, возвращаясь в гостиную. В тишину. В холод. Дэзи постанывает во сне.

Я смотрю на свои руки, лежащие на коленях. Те же руки, что когда-то держали папку с нотами. Теперь они просто лежат. Пустые.

От того воспоминания остался сладковато-горький привкус, как от испорченного мёда. Тогда я увидела в нём силу. Увидела того, кто будет вести, кто будет решать, кто построит для нас «будущее». Моя тихость, моя «настоящность» на фоне его яркости казалась не недостатком, а достоинством.

Я думала, мы дополняем друг друга. Как тихая мелодия и мощный, уверенный аккомпанемент.

Я не увидела тогда, в той улыбке и в той уверенности, семян высокомерия. Не услышала в его словах «сохранять красоту» будущего пренебрежения к моему «немужественному» занятию. Для него уже тогда мир делился на создающих и сохраняющих. На завоёвывающих и... на завоёванных.

Он завоевал меня. Легко и красиво. Как трофей. Красивый, неглупый, музыкальный трофей, который будет красиво смотреться в интерьере его будущей успешной жизни.

А я... я с радостью позволила себя завоевать. Потому что быть завоеванной таким принцем казалось счастьем. Потому что его уверенность была таким контрастом моей вечной неуверенности. Я думала, он будет моей крепостью. Не понимая, что крепости тоже бывают тюрьмами.

Солнечный зайчик от окна упал на идеальную поверхность газона, слепя глаза. Я отвернулась.

Тот Женя, с искрящимися глазами и тёплыми руками, растворился. Остался только этот. Тот, что спит наверху после вчерашнего «успеха». И между ними — двадцать лет. Двадцать лет, в которых я по капле отдавала ему себя, свою музыку, свои мечты, свою веру, пока не осталась вот эта пустая оболочка, сидящая у окна и вспоминающая, с чего всё началось.

Это было не зло. Это была ошибка. Ошибка, за которую

я расплачиваюсь каждый день. И понимание этого не приносит облегчения. Оно приносит только ещё более горькое осознание: чтобы выбраться отсюда, мне придётся отказаться не только от него. Мне придётся отказаться от той девушки, которая поверила в сказку. И это, наверное, самое сложное.

Глава 6

Глава 6. Первые звоночки

День тянется, липкий и бесформенный. Я механически протираю пыль с уже сияющих поверхностей, поправляю диванные подушки, которые и так лежат идеально. Каждое движение — пустое. Но руки должны быть заняты, иначе мысли начнут кружить, как осенние листья, возвращаясь к одному и тому же: «Как? Как он стал таким?»

Я сажусь на ступеньку лестницы, ту самую, что скрипит. Скрип — единственный живой звук. И он, как ключ, открывает дверь не в прошлое-воспоминание, а в прошлое-понимание. Не в одну сцену, а в череду мелких, почти невидимых сдвигов. Как плиты тектонических пород, они двигались так медленно, что я не замечала землетрясения, пока не треснул фундамент под ногами.

Сначала это были мелочи. Совсем крошечные.

Помню, через полгода после свадьбы. Мы снимали маленькую, но уютную квартиру. Я работала в музыкальной

школе, он — в перспективной IT-компании. Я купила на первую зарплату две чашки. Не набор, а две разные: одну — с синими ромашками, другую — с жёлтыми птичками. Они были смешные, тёплые, *мои*. Я налила в них чай, радостно поставила перед ним.

Он посмотрел, улыбнулся, но в улыбке было что-то снисходительное.

— Мило, — сказал он. — Но, знаешь, для гостей это... непрезентабельно. Давай купим нормальный сервиз. Один стиль. Чтобы всё сочеталось.

И купил. Белый, холодный, фарфоровый. Без единой лишней завитушки. Чашки с ромашками переехали на дальнюю полку, а потом исчезли во время переезда. Я даже не заметила когда.

Потом была моя работа. Я приходила уставшая, но окрылённая — удалось найти подход к сложному ученику, дети хорошо выступили на конкурсе. Я делилась с ним, глаза горели.

— Зачем ты так напрягаешься? — спрашивал он, не поднимая глаз от ноутбука. — Эти копейки? Я скоро буду зарабатывать в десять раз больше. Сидела бы дома, отдыхала, готовила что-нибудь вкусненькое. Создавала уют.

«Создавала уют». Это звучало так важно. Почти как мис-

сия. А мои успехи в музыкалке — это «напрягаться». Постепенно я стала говорить о работе меньше. Потом перестала говорить совсем.

Первый раз, когда он повысил на меня голос. Мы спорили о том, куда поехать в отпуск. Я хотела в горы, тишину, природу. Он — на модный курорт, «где нужно быть». В конце концов он резко оборвал меня:

— Хватит капризничать, как ребёнок! Я лучше знаю, что для нас перспективнее!

Я онемела. От неожиданности и боли. Он увидел моё лицо, сразу смягчился, обнял:

— Прости, солнышко, я просто устал. Не переживай. Мы поедем, куда ты захочешь. В следующий раз.

Мы поехали на курорт. «В следующий раз» так и не наступил. А привычка резко обрывать, чтобы добиться своего, — осталась.

Деньги. Сначала мы тратили из общего котла. Потом его доходы резко пошли вверх. Он начал покупать дорогие вещи, технику, машину. Говорил: «Тебе не надо в этом разбираться, я всё улажу». Я наивно радовалась его успехам. Однажды я попросила у него деньги на новый портфель для ученицы-сироты, которую я опекала. Он дал, но с таким взгля-

дом: «Опять твои благотворительности? Ладно, раз уж про-
сишь».

Потом он завёл отдельный счёт. «Для бизнес-расходов, чтобы не путать». Потом ещё один. Я спрашивала: «Может, и мне карточку к этому счёту? На бытовые нужды?» Он отмахнулся: «Зачем? Ты говоришь, что нужно купить для дома, я даю наличные или заказываю сам. Тебе же лучше, не надо ни о чём думать».

И я перестала думать. О деньгах. О том, сколько что стоит. Моя финансовая грамотность атрофировалась, как неиспользуемая мышца.

Изоляция. Сначала он мягко критиковал моих подруг: «Лена вечно ноет про мужа, не надо такое слушать», «Оля с её вечными художественными проектами — ребячество, она тебя тянет назад». Потом стали реже встречи. Потом подруги сами перестали звонить — им было неловко перед его холодной вежливостью и моими вечными отказами: «Извини, у нас планы с Женей». Родителей он отодвигал так же аккуратно: «Не грузи стариков нашими проблемами», «Давай съездим к ним на денёк, но ночевать не будем, у меня работа».

Мир сузился до размеров нашей квартиры, потом — этого

дома. А в центре мира был он.

А потом... потом была первая измена. Я не знала точно, но догадывалась. По запаху чужого парфюма, по загадочным отлучкам «на внезапные переговоры». Когда я, задохнувшись от страха, набралась духу и спросила, он не стал отрицать. Он разозлился.

— Ты что, устраиваешь слежку? У меня колоссальная нагрузка, стресс! Иногда нужно расслабиться. Это ничего не значит. Ты — моя жена. Ты в безопасности. Не выдумывай ерунды.

И добавил, глядя на меня с холодной оценкой:

— Может, если бы ты больше следила за собой, а не ходила в этом растянутом свитере...

Удар был ниже пояса. И он знал это. Я замолчала. Съежилась. Стала «больше следить за собой». Купила новую одежду, записалась к косметологу. А он... он воспринял моё молчание как согласие на новые правила игры. Раз я не ушла после первого раза, значит, можно и дальше. Его уверенность в своей безнаказанности росла с каждым таким инцидентом.

И дети... О, эта тема стала нашим крестом и его главным рычагом. После третьей неудачной попытки ЭКО он сказал: «Вика, хватит истязать себя и меня. Может, такова судьба».

Но я не могла сдаться. Мечта о ребёнке стала моим щитом, оправданием, смыслом, который удерживал меня в этом браке. «Вот появится малыш, и всё изменится. Он станет мягче, мы станем семьёй». Он видел эту мою слабость, эту отчаянную надежду, и играл на ней. То давал деньги на очередную попытку, делая вид, что поддерживает, то в минуты ссор бросал: «Ты даже этого дать мне не можешь». Это было самым страшным оружием. И самым эффективным.

Я сижу на ступеньке и вижу эту панораму не как трагедию, а как чёткую, безжалостную инструкцию. Шаг за шагом. Он не стал монстром в одночасье. Он позволял себе становиться им. Позволял по чуть-чуть. Каждый раз проверяя границы. И каждый раз обнаруживая, что границы податливы, как мягкая глина.

А я... Я не была жертвой в классическом смысле. Я была соучастницей. Моя любовь, моя вера в «тот» идеал, моя жажда сохранить семью, мой страх остаться одной, никому не нужной, бесплодной — всё это было питательной средой, в которой расцветала его безнаказанность. Я прощала чашки. Прощала пренебрежение к работе. Прощала грубость, оправдывая усталостью. Принимала деньги как милость. Отдалялась от друзей, чтобы не сердить его. Молчала об изменах, потому что боялась окончательного разрыва. Цеплялась за призрачный шанс стать матерью, как утопающий за соло-

минку.

Он не изменился. Он просто перестал притворяться. Перестал тратить силы на ухаживания, когда понял, что добыча уже поймана и сама не убежит. Вся его энергия ушла вовне — на завоевание мира. А дома ему хотелось не отношений, а комфорта. Тишины. Беспрекословного обожания. И он методично, годами, строил этот комфорт. Убирая всё, что могло его нарушить. Мои увлечения, моих друзей, мою независимость, наконец — моё достоинство.

Я встаю со ступеньки. Колени дрожат. Я подхожу к зеркалу в прихожей — огромному, в позолоченной раме.

Я смотрю на женщину, которая позволила это сделать. Не с ненавистью. С холодным, клиническим интересом. Да, он — архитектор этой тюрьмы. Но я — прораб, который молча принимал каждый кирпич, потому что верил, что строят дом.

Дэзи подходит и тычется носом в мою ногу, скуля. Она чувствует моё напряжение. Я наклоняюсь, глажу её.

— Всё, девочка, — шепчу я. — Экскурсия в ад окончена.

Понимание не приносит облегчения. Оно приносит от-

ветственность. Если я позволила это построить, значит, мне придётся это разбирать. Кирпич за кирпичом. И начинать нужно с самого первого, самого краеугольного камня — с моего согласия. Согласия быть никем.

Я смотрю на свой идеальный, мёртвый газон за окном. И впервые мысль о том, чтобы воткнуть в него лопату, перестаёт казаться актом отчаяния. Она кажется логичным, даже неизбежным первым шагом по демонтажу. Первым «нет» в длинной череде «нет», которые мне предстоит сказать. Все-му этому. И в том числе — той девушке с чашками в ромашках, которая так хотела верить в сказку, что променяла свой голос на иллюзию безопасности.

Завтра, думаю я. Завтра будет первый кирпич.

Глава 7

Глава 7. Встреча с давней подругой

Я сижу в кабинете врача. Белая стерильная комната пахнет антисептиком и несбывшимися надеждами. Врач, женщина с усталым, но добрым лицом, говорит что-то губами. Я вижу, как они движутся: «...резерв яичников истощён... дальнейшие попытки с вашими клетками... крайне низкая вероятность...». Звук доходит до меня как сквозь толщу воды — приглушённый, искажённый. В руке я сжимаю листок с результатами анализов. Цифры, графики, чёрточки. Приговор.

Я выхожу из клиники на слепящее осеннее солнце. Листья под ногами яркие, кричаще-жёлтые. Жизнь кипит вокруг, а у меня внутри — белый шум. Последний мост сожжён. Последняя соломинка утонула.

Я сажусь в машину и долго просто сижу, глядя в одну точку на руле. Потом еду не домой. Я еду в парк. Сажусь на холодную скамейку у озера и смотрю, как утки деловито переворачиваются вверх лапками. И в этот момент, в этой ледящей пустоте, приходит странное, почти безумное решение. Я достаю телефон. Набираю номер своей старой подруги, Лены. Мы не общались года три.

— Алло? Её — голос звучит удивлённо и настороженно.

– Лен, привет. Это Вика.

Короткая пауза.

– Вика? Ого. Как ты? Всё в порядке?

– Да, – лгу я. – Всё. Просто... соскучилась. Может, встретимся? Выпьем кофе?

Ещё пауза, более длинная. Я представляю, как она вспоминает мои вечные отказы, холодность Жени, наше «слишком разное положение».

– Конечно, – наконец говорит она, и в голосе слышится неподдельная радость. – Я как раз свободна. Знаешь кафе «У Марьины» на Арбате?

– Знаю. Через час?

– Да!

Кафе – уютное, немодное, с книжными полками и пирогами. Запах корицы и молотого кофе обволакивает, как тёплое одеяло. Лена уже сидит. Она почти не изменилась. Только вокруг глаз прибавилось морщинок, но глаза – те же, живые, тёплые.

Мы обнимаемся. Она пахнет чем-то домашним, детским кремом и осенней листвой.

– Боже, Вик, я так давно тебя не видела! Ты... выглядишь уставшей.

Я рассказываю ей всё. Не про ЭКО, пока нет. Я говорю, что мне тяжело, что я чувствую себя в ловушке, что я устала. Она слушает, не перебивая, держа мою руку в своих. Потом рассказывает о себе. Работа в школе (она историк), двое

детей-погодков, муж-инженер, вечно что-то мастерит дома. Живут скромно, но счастливо. Её жизнь кажется мне такой настоящей, такой насыщенной простыми, важными вещами. У меня сжимается сердце от тоски и зависти. Но хорошей зависти. Как к тому, что могло бы быть.

– Знаешь, – говорю я осторожно, – я думаю... мне нужно что-то делать. Может, работу найти.

Её лицо озаряется.

– Да! Вика, это отличная идея! Ты же талантливая! Помнишь, как ты играла? Или... не знаю, может, преподавать? В той же музыкалке? Ты всегда находила общий язык с детьми.

Мы обсуждаем варианты. Я оживаю. Во мне шевелится что-то забытое – интерес, азарт. Лена обещает спросить о вакансиях в своей школе, может, нужен педагог по музыке в группу продлёнки. Мы договариваемся встретиться на следующей неделе, чтобы я посмотрела на её ребят. Я ухожу из кафе с лёгкостью, которой не чувствовала годами. Во мне теплится маленький, хрупкий огонёк надежды. Не на чудо. На действие.

Вечером Женя приходит домой рано. Неожиданно рано. Я на кухне, пробую новый рецепт супа-пюре из тыквы, который подсмотрела в интернете. На мне старый фартук, в волосах – мука. Я даже напеваю что-то под нос.

Он останавливается в дверях, наблюдает. Его взгляд скользит по мне, по кухне, и я вижу, как его лицо темнеет.

Он чувствует перемену. Уловил её по какой-то неуловимой вибрации в воздухе.

– Что это ты такая оживлённая? – спрашивает он, скидывая пиджак.

– Так, ничего, – говорю я, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально. – Гуляла немного. Встретила старую подругу, Лену.

Имя падает между нами, как камень в воду. Он медленно подходит к острову, наливает себе виски.

– Лену? Ту, что с вечно ноющим мужем и двумя сопляками в хрущёвке?

Его тон – ядовитый. Огонёк внутри меня съедается.

– У неё всё хорошо, – тихо говорю я. – Она работает в школе.

– Ну конечно, – фыркает он. – «Работает». За копейки. Чтобы потом жаловаться, как жизнь несправедлива. И чего вы там обсуждали? Цены на гречку и памперсы?

Я молчу, энергично взбивая суп блендером. Гул заполняет кухню, спасая меня от необходимости отвечать.

Он ждёт, пока я выключу прибор.

– Знаешь, Вик, – говорит он уже спокойнее, с отеческой снисходительностью. – Я не понимаю, зачем тебе эти контакты. Эти люди... они не нашего круга. Они тянут назад. Тебе от них одна депрессия. У тебя есть я, есть этот дом, есть всё для красоты и отдыха. Найди себе занятие поинтереснее. Сходи на спа-процедуры, закажи новое платье.

«Занятие поинтереснее». Как будто я – ребёнок, которого нужно занять, чтобы не мешал.

– Я думала... может, мне действительно работу найти, – выдыхаю я, не глядя на него.

Наступает тишина. Настолько густая, что её можно потрогать. Потом он тихо, с нехорошим спокойствием, говорит:

– Зачем?

Я поднимаю на него глаза.

– Что?

– Зачем тебе работа? – он повторяет, отчеканивая каждое слово. – У тебя есть всё. Работа – это стресс, глупая суета, зависимости. Ты хочешь, чтобы какой-то чмошник-начальник указывал тебе, что делать? Ты хочешь вкалывать за три копейки, когда я могу дать тебе в десять раз больше, просто так? Это что, неуважение ко мне? К моим возможностям?

Его логика железобетонна. И убийственна. В его картине мира работа жены – это пощёчина мужу-добытчику.

– Это не про деньги, Женя, – пытаюсь я объяснить, чувствуя, как почва уходит из-под ног. – Мне нужно... чувствовать себя полезной. Иметь своё дело.

– У тебя есть дело! – повышает он голос. – Этот дом! Моё благополучие! Ты думаешь, это просто так – приходить в идеальный дом, где всё сверкает, ужин готов? Это и есть твоя работа, Виктория. И она очень важна. Не принижай её.

Он подходит ко мне вплотную. От него пахнет алкоголем и дорогим парфюмом.

— А эти твои «подруги»... — он говорит слово с таким презрением, что мне хочется сжаться. — Они неудачницы. По-терпевшие. Они будут завидовать тебе, сеять в твоей голове какую-то чушь про «самореализацию». Потому что у них самих ничего нет. Не позволяй им тащить тебя на своё дно. Ты — выше этого.

Он гладит меня по щеке. Жест выглядит нежным, но его пальцы холодные.

— Я забочусь о тебе. Хочу, чтобы у тебя было только лучшее. Поверь мне. Забудь про эту ерунду с работой. И про Лену — тоже. Она тебе не друг.

Он целует меня в лоб — сухой, быстрый поцелуй — и уходит, забирая с собой бокал. Я остаюсь стоять у плиты, рядом с кастрюлей тыквенного супа, который теперь кажется мне символом всей моей жалкой, наивной попытки вырваться.

Всё, что он сказал, было обёрнуто в красивую упаковку заботы. «Я хочу для тебя лучшего». «Я оберегаю тебя от стресса». «Ты — выше этого». Но под упаковкой — голый, жёсткий контроль. Он рисует идеальную картинку: он — успешный добытчик, я — прекрасная, ухоженная хранительница очага. Любое отклонение от роли — угроза картине. Работа? Значит, он недостаточно обеспечивает. Подруги? Значит, я ищу понимания на стороне, значит, он недостаточен как собеседник и защитник.

Я медленно выключаю плиту. Огонёк внутри погас. Задут одним дыханием. Я открываю мессенджер. Лена присла-

ла сообщение: «Было так здорово! Жду на следующей неделе! Скинула тебе ссылку на вакансию в соседней школе, посмотри!»

Я смотрю на экран. Потом поднимаю глаза и вижу своё отражение в чёрном стекле панорамного окна. Женщина в фартуке. С пустыми глазами.

Мой палец висит над экраном. Набрать ответ? Согласиться? Пойти против его воли? Скандал, упрёки, холодная война... У меня нет сил. Ещё нет.

Я пишу: «Спасибо, Лен. Посмотрю. Как будут силы – я напишу». И стираю второе предложение. Оставляю только сухое: «Спасибо. Посмотрю».

Я откладываю телефон. Беру тарелку, наливаю суп. Сажусь за стол одна. Суп вкусный. Тёплый. Успокаивающий. Но я ем его без удовольствия. Как лекарство. Как питательную смесь, которая поддерживает в тебе жизнь, когда душа уже хочет умереть.

В тот вечер я не плачу. Я просто понимаю. Понимаю, что моё «хватит» должно быть громче. Должно быть подкреплено чем-то, что не сломается от одного его слова. Пока у меня этого нет. Пока я – только тыквенный суп и несмелое «посмотрю».

Но где-то в глубине, под слоем покорности, зреет новое чувство. Не надежда. Решимость. Холодная, твёрдая, как камень. Чтобы вырваться из этой красивой клетки, мне пона-

добится своя отмычка. Свои ресурсы. Своя, тихая, невидимая для него сила.

И я начинаю её искать.

Глава 8

Глава 8. Две полосы

Тишина в доме после его ухода на работу всегда была особенной. Не просто отсутствием звуков, а густой, плотной субстанцией, в которой можно было утонуть. Я ходила по комнатам, поправляя уже идеальные складки на шторах, и мое тело помнило. Помнило другую тишину. Тот, первый раз.

Это было через два года после свадьбы. Мы переехали в нашу первую собственную квартиру, купленную на деньги от его первого большого контракта. Я всё ещё работала в музыкальной школе, но уже подумывала сократить часы – он настаивал, что «пора жить для себя». И тогда это случилось. Задержка. Сначала я боялась даже думать. Потом купила тест. Дешёвенький, в белой коробочке из аптеки у метро.

Я сделала его утром, пока он спал. Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди. Я сидела на краю ванной и смотрела, как в окошке проявляется призрачная, но неумолимая вторая полоска. Сначала бледная, как намёк. Потом

всё ярче. Розовая. Жизнь.

Я не закричала от радости. Я онемела. Осторожно, как святыню, взяла тест в руки и вышла в спальню. Он лежал на спине, один мускулистая рука закинута за голову. Я села на край кровати, тронула его за плечо.

– Женя. Посмотри.

Он приоткрыл один глаз, потом второй. Сфокусировался на пластиковой полоске в моих дрожащих пальцах. Его лицо прошло через несколько стадий за секунду: непонимание, догадку, осторожную проверку. Потом он сел. Медленно взял тест из моих рук, рассмотрел.

– Ты... уверена? – спросил он, и в его голосе прозвучала не радость, а проверка, как будто я могла ошибиться в таком.

Я кивнула, не в силах вымолвить слово. И тогда он улыбнулся. Это была не та беззаботная улыбка с нашей первой встречи. Это была улыбка победителя. Человека, у которого идёт всё по плану. Карьера, дом, а теперь — наследник. Он обнял меня, крепко, почти до хруста в рёбрах.

– Молодец, – сказал он в мои волосы. – Молодец, Вика. Вот это новость!

В тот день он отменил все встречи. Мы поехали завтракать в самый дорогой ресторан с видом на реку. Он заказал шампанское (мне – сок), рассказывал официанту, что у нас «важнейшее событие». Он говорил о будущем: «Нужно подумать о доме побольше», «Сын будет заниматься теннисом с пяти лет», «Нанять лучшего врача». Он строил планы

с такой уверенностью, с таким размахом, что моя собственная, тихая радость немного терялась на его фоне. Но я была счастлива. Он был счастлив. Казалось, вот оно – настоящее начало.

Я уволилась с работы. «Теперь твоя работа – заботиться о нём», – сказал Женя, поглаживая мой ещё плоский живот. Он нанял домработницу, чтобы я «не напрягалась». Купил кучу книг о беременности, дорогие витамины, записал меня к модному врачу в частную клинику. Моя жизнь сузилась до ежедневных ритуалов: прогулка, здоровая еда, визиты к врачу, отдых. Мне даже купили пианино, чтобы я «расслаблялась музыкой». Но играть не хотелось. Я была сосредоточена на одном – на этой новой жизни внутри.

Я разговаривала с ним. Мыслила о нём, как о мальчике. Читала ему сказки, хотя он был размером с горошину. Я шила на машинке, которую когда-то купила себе на первую зарплату, крошечный плед. Жёлтый, как цыплёнок. Каждый стежок был молитвой. Каждый день я просыпалась с мыслью: «Сегодня я на один день ближе к тебе». Мир за стенами нашей квартиры перестал существовать.

Женя стал внимательнее, заботливее, но эта забота была облечена в форму контроля. «Ты сегодня гуляла?», «Что ты ела?», «Доктор сказал не нервничать, так что никаких глупых сериалов». Он был моим благодетелем и стражем. И я принимала это, потому что это было «для малыша».

На восьмой неделе я впервые увидела его на УЗИ. Ма-

ленькое, пульсирующее пятнышко на экране. «Сердцебиение есть, – сказала врач. – Всё развивается хорошо». Я заплакала прямо там, в кабинете. Женя сжал мою руку. Он тоже улыбался, но его взгляд был прикован к экрану с каким-то деловым интересом, как к удачному графику.

А потом началась тревога. Сначала лёгкая, как предчувствие. Я ловила себя на том, что постоянно прислушиваюсь к своему телу, ищу подозрительные ощущения. Потом, на десятой неделе, я проснулась ночью от странной, тянущей боли внизу живота. Не сильной. Но другой.

Я разбудила Женю. Он сначала буркнул что-то невнятное, потом включил свет, увидел моё лицо.

– Наверное, живот прихватило от ужина, – сказал он, но встал. – Ладно, поедем, успокоимся.

В приёмном покое частной клиники было тихо и пусто. Нас приняли сразу. Врач, молодая женщина, сделала УЗИ. Она долго водила датчиком, её лицо было сосредоточенным, непроницаемым. Потом вытерла мой живот салфеткой и сказала, глядя куда-то мимо нас:

– К сожалению, сердцебиения нет. Произошла замершая беременность.

Я не поняла. Словно она говорила на другом языке. Я посмотрела на Женю. Его лицо стало каменным.

– Что вы имеете в виду? – спросил он холодно, чётко.

– Плод перестал развиваться. Примерно неделю назад. Нужна чистка.

Мир не рухнул. Он замер. Звуки отделились, свет стал плоским. Я смотрела на потолок, на белые плитки, и думала о жёлтом пледе, который не успела дошить. О сказке, которую читала вчера вечером. О том, что я уже придумала ему имя. Тихо, про себя. Саша.

Процедуру сделали под общим наркозом. Когда я очнулась, была уже ночь. Я лежала в отдельной палате, похожей на гостиничный номер. В горле стоял противный привкус лекарств. В животе – пустота. Физическая, зияющая пустота.

Женя сидел в кресле у окна. Он был уже одет в свой обычный костюм, смотрел в телефон. Услышав моё движение, поднял глаза.

– Ну вот, – сказал он без предисловий. Голос был усталым, раздражённым. – Бывает. Первый раз, ничего страшного. Врач сказала, это часто случается. Природа отбраковывает нежизнеспособное.

Его слова резали, как нож из льда. «Нежизнеспособное». Про нашего Сашу.

– Ты... как? – спросила я хрипло.

– Я? У меня совещание в девять утра. – Он встал, поправил манжет. – Ты тут отлежишься, тебя выпишут. Домой приедешь на такси. Деньги в твоей сумке. Не волнуйся ни о чём.

Он подошёл, поцеловал меня в лоб. Такой же сухой, быстрый поцелуй, как всегда.

– Отдохни. Мы ещё попробуем.

И ушёл. Его шаги затихли в коридоре. Я осталась одна. С пустотой внутри и с деньгами в сумке для такси. Он не кричал, не плакал, не обвинял. Он просто констатировал неудачу и перешёл к следующему пункту повестки дня.

Я лежала и смотрела в потолок. Слез не было. Было чувство, будто меня вывернули наизнанку, а всё самое важное, нежное – выскребли дочиста, оставив только холодную, скользкую оболочку.

Тогда я ещё не знала, что это было только начало. Что «мы ещё попробуем» превратится в долгий, унижительный крестный путь по клиникам, в уколы, которые превратят моё тело в синяк, в гормоны, которые съедят мою психику, в надежды, за которыми каждый раз будет следовать вот это – леденящее молчание на УЗИ или две полоски на тесте, тающие через неделю в кровавом кошмаре.

Но в тот момент, в той палате, я поняла главное. Его мечта о ребёнке и моя – были разными. Для него это был проект. Продолжение его успеха, его рода, его империи. Для меня – это была жизнь. Маленькая, хрупкая, желанная сама по себе. И когда проект провалился, он просто отложил его в сторону. А я... я потеряла жизнь. И осталась с пустотой, которую не могли заполнить ни новый дом, ни деньги в сумке, ни его уверенное «мы ещё попробуем».

Я сжала кулаки под одеялом. В первый раз в душе, рядом с горем, поселилась крошечная, едва различимая искра гне-

ва. Не на него. На несправедливость этого. На то, что моё огромное, всепоглощающее горе было для него всего лишь досадной заминкой в графике.

Но тогда я эту искру быстро потушила. Сказала себе: «Он прав. Так бывает. Нужно держаться. Ради будущего». Ради следующей попытки. Которая станет ещё одним кирпичиком в стене моего одиночества в этом браке.

Я вздрагиваю, возвращаясь в настоящее. Я стою посреди гостиной, и мои ладони лежат на животе. Там – шрам от лапароскопии и вечная, холодная пустота. А в памяти – тот жёлтый плед, который я так и не дошила. Я сожгла его потом, во время одной из особенно тяжёлых депрессий после очередного провала.

Мечта о детях. Она не умерла с последним протоколом ЭКО. Она умерла тогда, в той палате, когда я поняла, что несу её в одиночку. Что мое материнство началось и закончилось в тишине, среди белых плиток на потолке, пока его жизнь шла своим чередом – к совещанию в девять утра.

Я опускаю руки. Подхожу к окну. Смотрю на газон. И думаю, что, может быть, есть другие способы дать жизнь. Не плоти и крови. А чему-то ещё. Чему-то, что не сможет от меня так просто уйти.

Глава 9

Глава 9. Страшный вердикт

Жёлтый плед сгорел в камине с едким запахом синтетики. Я смотрела, как языки пламени лижут недовязанные края, и думала, что сжигаю не просто вещь, а целую вселенную. Вселенную, в которой был Саша. Потом был Максим, замерший на восьмой неделе. Потом – надежда на двойню после первого ЭКО, обернувшаяся выкидышем на двенадцатой.

После каждой потери во мне оставалась выжженная территория. И каждую такую территорию Женя методично заселял новой версией «нашего будущего».

– Не зацкливайся, – говорил он после первой чистки, заказывая путевки на Мальдивы. — Смени обстановку. Нужно отвлечься.

Я смотрела на бирюзовый океан и видела бездонную, равнодушную глубину, в которой утонула моя маленькая, нерожденная вселенная.

– Ты слишком нервничаешь, – ворчал он после второго провала, нанимая мне личного фитнес-тренера и нутрициолога. – Телу нужна идеальная форма, чтобы принять беременность. Никакого стресса.

Я выполняла план тренировок, ела прописанную зелень и чувствовала, как моё тело превращается в безупречный,

стерильный, пустой сосуд. В инкубатор.

С каждым разом его участие становилось всё более... деловым. Он изучал рейтинги клиник, сравнивал протоколы, выбирал врачей, как менеджер проекта выбирает подрядчиков. Он платил. Это было его главным вкладом. Его жертвой. И эта жертва давала ему моральное право требовать.

– Я вкладываю в это колоссальные средства, Вика, – говорил он, когда я, обессиленная гормонами, не могла встать с кровати от мигрени. – Ты хотя бы старайся держаться. Не раскисай.

«Не раскисай». Когда тебя разрывает от пустоты внутри и от химической бури снаружи.

А потом был тот разговор, после третьего, особенно мучительного протокола, который закончился ничем. Я лежала на диване, завернувшись в плед, и смотрела в одну точку. Он ходил по гостиной, разгневанный.

– Я не понимаю! Все анализы в норме, деньги заплачены, лучшие специалисты! Что ты делаешь не так?

Я посмотрела на него. Прямо. Впервые за долгое время.

– «Я»? – тихо переспросила я.

Он махнул рукой.

– Ну ты же понимаешь, о чём я! Организм должен откликаться! Может, дело в твоей... психосоматике? Ты слишком зажата, боишься. Нужно расслабиться.

В тот момент во мне что-то переломилось. Но не в сторону освобождения. В сторону отчаяния. Он был прав в одном–

я боялась. Боялась, что это никогда не случится. И это «никогда» было страшнее всего. Потому что если не ребёнок, то что оставалось? Ради чего я терпела его пренебрежение, его измены, его унижительные «шутки»? Ради чего я отказалась от работы, от друзей, от самой себя?

Ребёнок стал единственной валютой, в которой я могла оправдать своё существование в этом браке. Для себя. Не для него. Для него оправданием были мои красота, ухоженность, умение вести дом – функции жены. Но для меня, внутри, эти функции ничего не стоили. Они были оболочкой. Смысл должен был быть в начинке. В продолжении. В любви, которая примет тебя всю, даже такую сломанную.

Я представляла, как держу на руках младенца. Своего. Его тёплое, доверчивое тельце. И в этой картинке было всё: и оправдание («я ради тебя всё стерпела»), и надежда («ты изменишь своего отца, ты сделаешь нас семьёй»), и спасение («ты будешь любить меня просто так, ты будешь моим»). Это была моя светлая атлантида, ушедшая под воду, к которой я бесконечно пыталась доплыть.

И с каждой неудачей эта мечта становилась не слабее, а навязчивее. Одновременно и раной, и наркотиком. Я ловила себя на том, что засматривалась на коляски в парке, и тут же отворачивалась, сжавшись от боли. Я покупала и прятала на дальнюю полку крошечные носочки – талисманы. Я читала форумы для таких же, как я, и чужое отчаяние подпитывало моё.

Женя использовал это. Не со злым умыслом, нет. Он просто видел рычаг и нажимал на него.

– Если бы у нас был ребёнок, ты бы не сидела, уткнувшись в телефон, – бросал он, когда я пыталась отстраниться, погрузившись в книгу.

– Ты думаешь только о себе и своих страданиях. А представь, каково мне? Я тоже хочу сына! – говорил он, возвращаясь с запахом чужого парфюма.

И я верила. Верила, что ребёнок всё исправит. Что материнство наконец-то даст мне ту неуязвимость, ту внутреннюю силу, чтобы либо изменить его, либо перестать нуждаться в его любви. Ребёнок был тем волшебным ключом, который должен был открыть дверь в нормальную жизнь. Ту, где мы – семья. Где он смотрит на меня не как на фон, а как на мать своего ребёнка. С уважением. С благодарностью.

Поэтому я терпела. Терпела его комментарии по поводу моего веса, набранного от гормонов. Терпела его раздражение, когда я плакала от отчаяния. Терпела его любовниц, убеждая себя, что «это просто физиология, он же возвращается ко мне, в нашу семью, которую мы построим». Я вкладывала в мечту о детях все свои неистраченные силы, всю подавленную ярость, всю невыплаканную боль. Она стала гигантским, тихим оправданием для всего.

А потом пришёл последний, окончательный вердикт врача. «Резерв истощён. Своими клетками – шансов нет. Можно рассмотреть донорские или суррогатное материнство».

Я рассказала ему вечером. Он слушал, смотря на меня через стол.

– Донорские? – переспросил он, и его лицо выразило безразличие. — Чужие клетки? Нет, Вика, это не вариант. Я не собираюсь растить чужого ребёнка.

– Но он будет моим... нашим, – слабо попыталась я возразить.

– Биологически – нет. Это подмена. – Он отпил вина. – Суррогатка... дорого, морока, и опять же – чужая женщина будет вынашивать. Неприятно. Нет, раз природа распорядилась так... значит, нужно принимать.

«Принимать». Как приговор.

И в тот момент рухнула не просто мечта. Рухнуло единственное оправдание. Вся конструкция, на которой держалась моя жизнь в этом браке двадцать лет, рассыпалась в прах. Осталась я. Сорокачетырёхлетняя женщина. Без детей. Без карьеры. Без уважения мужа. С пустым, бесплодным телом и такой же пустой, выжженной душой.

И тогда, в леденящей тишине после его слов, и родилось то самое «хватит». Оно родилось не из силы, а из полного, тотального краха. Когда терять уже нечего, страх теряет власть.

Я сижу сейчас в гостиной и понимаю это. Понимаю, что все эти годы я пыталась заполнить ребёнком дыру, которую прогрыз в моей душе он. Я хотела дать жизнь, чтобы почувствовать себя живой. Это была ошибка. Жизнь нельзя вло-

жить в другого, как в копилку, надеясь, что он вернёт её тебе с процентами любви и смысла.

Я смотрю на свои руки. Те же руки, что гладили воображаемый животик, шили несшитый плед, втыкали в себя бесчисленные иглы от уколов. Они сильные. На них видны вены. Это руки взрослой женщины. Не матери. Но просто – женщины. Которая существует. Сама по себе.

Мечта о детях была моим щитом и моей клеткой. Теперь щита нет. Клетка осталась. Но дверь в ней... дверь в ней теперь не заперта на замок под названием «а как же дети?». Она просто тяжелая. Заросла паутиной страха и привычки. Но её можно открыть. Если набраться духу и толкнуть.

Внизу, у моих ног, постанывает во сне Дэзи. Она – не ребёнок. Она – старая собака. Но она любит меня. И я люблю её. Это – не та грандиозная, искупительная любовь, о которой я мечтала. Это – простое, тихое чувство. Оно не оправдывает двадцать лет унижений. Но оно – настоящее. И его, возможно, достаточно, чтобы сделать первый шаг. Чтобы начать искать другие способы быть живой. Не через кого-то. Для себя.

Глава 10

Глава 10. Визит свекрови

Дверь в холле хлопнула с такой силой, что дрогнули хрустальные подвески в люстре. Это был не Женя – он открывал дверь резко, но бесшумно, натренированным движением. Это была свекровь, Людмила Павловна. Её визиты всегда были похожи на кавалерийский наскок: без предупреждения, со свитой из сумок с гостинцами «для сыночка» и вихрем тяжёлых духов «Шанель №5».

Я замерла на кухне с тряпкой в руках, почувствовав ледяной укол под ложечкой. Она знала. Должна была знать. Женя не мог не рассказать ей о последнем вердикте врачей. Это было событие, позорящее её род. Значит, визит имел конкретную цель.

– Виктория! Ты где? – её зычный голос пронёсся по дому.

– На кухне, Людмила Павловна, – отозвалась я, вытирая руки.

Она вошла, как входит в свою собственную гостиную. Высокая, статная, в идеальном костюме цвета бордо, с безупречно уложенной седой волной волос. Её глаза, такие же светло-карие, как у Жени, но лишённые его молодого задора и полные холодной проницательности, осмотрели меня с ног до головы. Взгляд задержался на моём лице, на простом

домашнем халате.

– Так-так, — протянула она, ставя на стол коробку дорогих конфет. — Привезла Женечке. Он у меня вечно забывает поесть нормально. А ты чего такая серая? Небось, опять на диетах этих своих сидишь?

«Серая». Это было её любимое слово для меня. Вначале, двадцать лет назад, оно звучало как «скромная, милая». Теперь — как приговор.

– Просто не выпалась, — пробормотала я, включая чайник. Протокол был отработан до автоматизма: чай, конфеты, слушать.

– Не выпалась, — передразнила она, усаживаясь на барный стул с видом королевы на троне. — От чего не спалось? Подумаешь, заботы: дом, муж, бездетность...

Слово повисло в воздухе, тяжёлое и ядовитое, как её духи. Я чуть не уронила чашку. Она смотрела на меня, не отводя глаз, ждала реакции. Я молча поставила перед ней чай, села напротив, сцепив пальцы под столом.

– Женя рассказал мне, — начала она, медленно размешивая ложкой в чашке. Ложка звякала о фарфор, отбивая ритм моему учащённому сердцебиению. — Ну что ж, Виктория. Дожили. Двадцать лет ждали наследника. И что в итоге? Пустота.

– Врачи сказали, что...

– Врачи! — она отмахнулась, будто от назойливой мухи. — Что они понимают? Я тебе с самого начала говорила: нужно

было укреплять организм. Не эти твои диеты и фортепиано. Народными средствами. Я тебе рецепты давала! Ты хоть одно попробовала?

Я помнила эти «рецепты». Настойки на полыни и боровой матке, которые воняли аптекой и отчаянием. Обёртывания из глины. Посты в определённые дни цикла. Я тихо сходила с ума, пытаюсь совмещать это с предписаниями врачей из клиники ЭКО. А она каждый раз спрашивала: «Ну что, помогает?» И качала головой, когда я признавалась, что нет.

– Пробовала, – тихо сказала я.

– Не так, видно, пробовала. Недостаточно веры было, – заключила она, отпивая чай. – У нас в роду Соколовых все женщины – матери. Моя бабка десятерых родила. Я – троих, двоих, слава Богу, выходила. А ты... – она снова окинула меня оценивающим взглядом, – ты даже одного выносить не смогла. Слабенькая что-то. Неженка.

Каждое слово было похоже на удар тупым ножом. Глухо, больно, без крови, но с повреждением всего, что внутри. Я чувствовала, как краснею, потом бледнею. Моё бесплодие в её устах превращалось не в трагедию, а в личный недостаток. В слабость характера. В несоответствие высокому званию «жены Соколова».

– Женя-то как мучается, – продолжала она, наслаждаясь моментом. – Мужчине наследник нужен. Продолжение рода. Дело, которое он создал, передать некому. Он же у меня честолюбивый, как и отец был. А ты... ты ему даже этого дать

не можешь.

«Дать». Как будто ребёнок – это подарочная коробка, которую я по своей глупости или злему умыслу не донесла.

– Я тоже мучаюсь, – вырвалось у меня, голос дрогнул.

– Ты? – она подняла бровь. – А что ты сделала, чтобы не мучиться? Сидишь тут, в этом дворце, который Женя тебе построил, на всём готовом. Слезы льёшь. Надо было раньше думать. В молодости о карьере своей пикировать меньше, а о семье – больше.

Это было верхом цинизма. Именно они с Женей настаивали, чтобы я оставила «пикианье». Чтобы посвятила себя созданию «условий» для семьи. А теперь вина перекладывалась на меня.

– Суррогатное материнство... – начала я, как последнюю линию обороны.

– Ах, не смей! – её голос стал резким, металлическим. – Чужая кровь в нашем роду? Женя правильно сказал – нет. Это против природы. Да и кто знает, что за женщина будет? Какие у неё гены, болезни? Нет, Виктория. Это не выход.

Она допила чай, поставила чашку с решительным стуком.

– Вот что я тебе скажу. Нужно смириться. Принять волю Божью. И подумать о Жене. Ему ведь тяжело. Мужчина в расцвете сил, красивый, успешный... а дома – пустота. Ты хоть понимаешь, какое искушение для него на стороне? Ты должна быть ему опорой сейчас. Не ныть, не требовать внимания к своим переживаниям. А создать ему уют. Быть ти-

хой, предсказуемой. Чтобы ему хоть дома было спокойно.

То есть моя роль теперь окончательно сводилась к функции бесшумного, бесплотного утешителя и домоправительницы. Чтобы его, бедного, искушаемого «на стороне», хоть дома не беспокоили.

Она встала, поправила жемчужное колье.

– Я, конечно, надеялась на внуков. Но раз уж Бог не дал... что поделаешь. Жаль только Женю. Такой род пропадёт. Ну, ладно, мне пора. К парикмахеру. Ты уж держись, Виктория. И с лица воду не кисни. Мужчины этого не любят.

Она ушла, оставив после себя шлейф тяжёлых духов и ещё более тяжёлое, гнетущее чувство. Я сидела за столом, вжавшись в стул, и смотрела на её пустую чашку. На золотой ободок, на котором остался след от её помады. Ярко-красный, как кровь.

Её слова не были просто злобой старой женщины. Они были квинтэссенцией всего, во что верил и Женя, только высказанной без прикрас. Я – неудачница. Я – пустое место. Я – обуза для её блестящего сына, который по своей доброте душевной терпит рядом бесплодную жену. Моя боль, моё горе, мои двадцать лет надежд и попыток – всё это было для неё лишь доказательством моей слабости и несостоятельности.

Я подошла к раковине, взяла её чашку. Помыла её. Вытерла насухо. Поставила на место. Автоматические движения робота.

Потом я поднялась в спальню, прошла в свою гардероб-

ную. Сняла домашний халат. Встала перед зеркалом в полный рост. «Серая». «Слабенькая». «Неженка».

Я смотрела на своё отражение. На женщину с тёмными кругами под глазами, с плечами, ссутуленными под невидимым грузом. Но где-то там, в глубине этих же глаз, тлел крошечный, едва живой огонёк. Не надежды на чудо. А чего-то другого.

Я вспомнила её слова: «Ты должна быть ему опорой... Быть тихой, предсказуемой».

И вдруг, совершенно чётко, я подумала: «А что, если я не хочу быть его опорой? Что, если я устала быть предсказуемой?»

Это была крамольная мысль. Мысль-предательство. По отношению к нему, к ней, ко всем ожиданиям, которые на меня возложили.

Я медленно провела рукой по своему лицу, по щеке, по линии скулы. Кожа была сухой, тёплой. Живой.

Я не была просто «пустотой» или «неудачницей». Я была тем, кто двадцать лет нёс на себе этот крест, почти сломавшись, но всё-таки — донёс. Я была тем, кто плакал в подушку после каждого провала и всё равно находил силы встать. Я была той, чьё тело прошло через ад процедур и не сдалось, пока не сдалась медицина.

Это тело было моим. Не сосудом для неудач, а моим единственным домом. И этот дом стоял. Пусть с трещинами, пусть с выжженными комнатами. Но он стоял.

Я отвернулась от зеркала. Свекровь могла думать что угодно. Женя мог считать меня серой тенью. Но в этой тени начинало шевелиться что-то новое. Не желание оправдаться. Не желание доказать, что я могу. А простое, тихое, яростное нежелание больше слушать.

Я спустилась вниз. Подошла к панорамному окну. К тому самому идеальному газону. И впервые подумала не о том, как он соответствует стандартам «их» мира. А о том, что под этим зелёным ковром – земля. Настоящая, тёмная, живая. И что, может быть, самое время начать копать. Не для того, чтобы что-то доказать. А просто потому, что мне этого хочется.

Я не знала ещё, что именно буду сажать. Но я знала, что это будет что-то моё. Что-то, что не будет соответствовать её представлениям о «правильном» и «достойном». Что-то, что будет расти просто потому, что я решила дать ему жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.